

<http://news.tut.by/society/386714.html#co>

Узница Минского гетто показала, где жили, укрывались и погибали евреи во время войны

Наталья Костюкевич / Фото: Вадим Замировский, TUT.BY

Майя Крапина – узница Минского гетто. Сегодня ей 78 лет, позади карьера акробатки, артистки Белгосфилармонии и богатая на острые сюжеты судьба. Мы встречаемся около еврейской общины и на такси едем к мемориалу "Яма", посвященному жертвам Холокоста. Водитель не знает, где это. "50 лет живу в Минске и не знал, что здесь закопаны евреи! И люди на костях живут?" - удивляется он, подъезжая к нужному месту.

Голод, холод и полная антисанитария, а в это время гетто окутывает запах хлеба
Майя Крапина - не историк. Она очевидец событий больше чем 70-летней давности. В 1941 году по приказу немецкого коменданта полевой комендатуры от 19 июля ее семье пришлось покинуть дом во 2-м Северном переулке и поселиться в гетто, в доме по улице Сухой, на месте теперешней городской поликлиники № 1. В четырех-пяти комнатах жили шесть или семь семей. Среди них была семья Левиных (*девичья фамилия героини материала*. – *TUT.BY*) – бабушка, дедушка, отец, мать, три сестры, брат Майи и сама шестилетняя девочка.

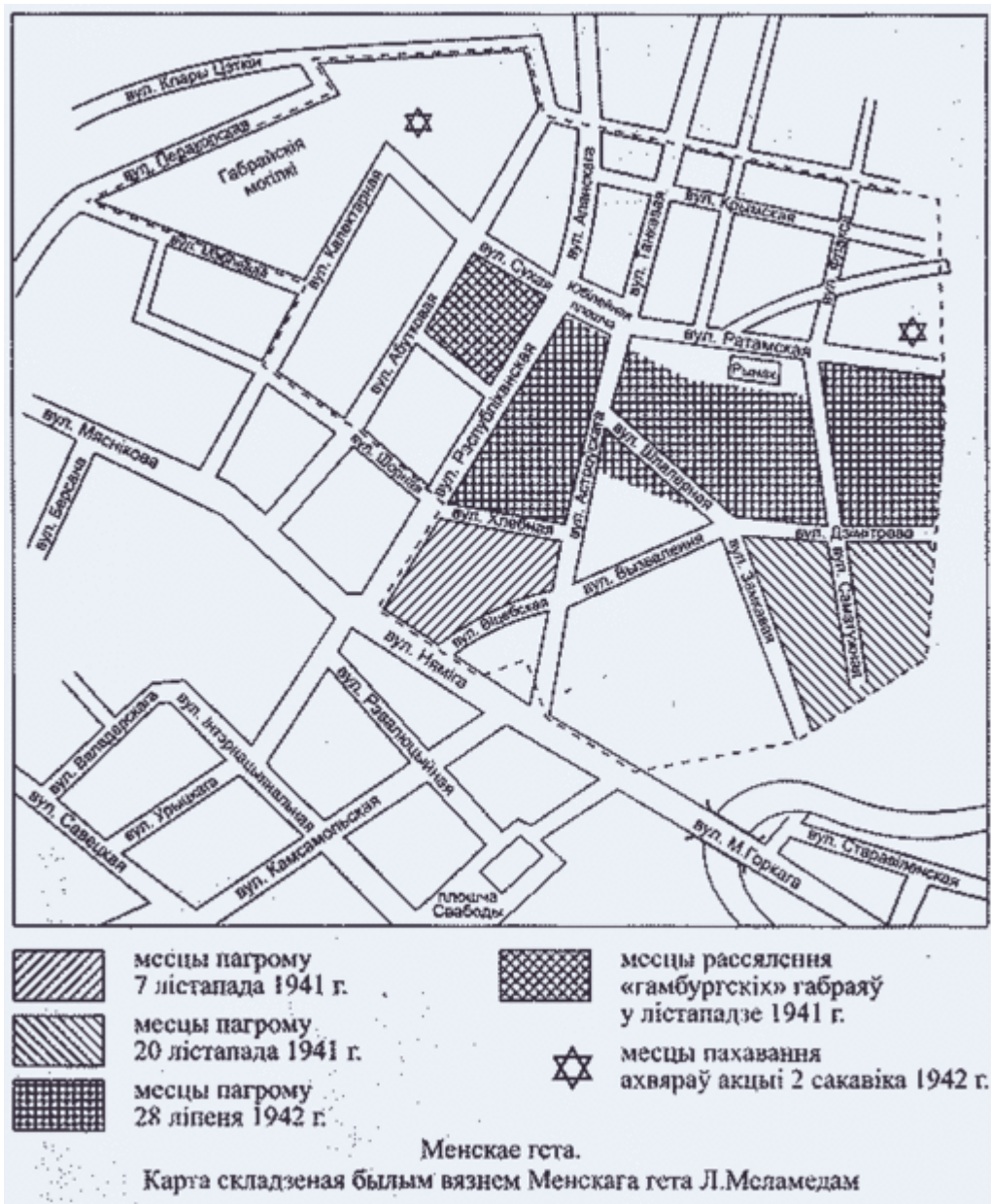
Минское гетто, по воспоминаниям собеседницы, занимало территорию "километр на километр" и состояло из 40 улиц и переулков. Все евреи в гетто по приказу немецких властей носили желтую лату на груди и спине.

Территория Минского гетто. 1941-1943 годы

Иллюстрация из книги Майи Левиной-Крапиной "Трижды рожденная"

Территория Минского гетто насчитывает более 100 тысяч узников

Иллюстрация с сайта www.minsk-old-new.com

Электричества и магазинов в гетто не было, за водой бегали к колонкам. Родители Майи, дедушка и старший брат ходили на работу. Там получали баланду и кусочек хлеба, который приносили домой и делили между всеми. Порой брат приносил картофельные очистки, из которых делали оладьи. Летом варили суп из крапивы и лебеды. Иногда Майя с другими детьми на свой риск бегала из гетто попрошайничать в "русский район". Так называли район за хлебозаводом № 1. Во время таких рейдов голодным детям удавалось выпросить картошку, свеклу, капусту... Домой дети возвращались вместе с рабочими или, пока охранники не видели, пролазили под колючей проволокой. Еще одно из воспоминаний Майи связано именно с хлебозаводом:

- Представляете, сидишь голодный, а на весь район пахнет хлебом!

В первые дни существования гетто по улице Сухой была толкучка - место, где можно было обменять вещи на еду и даже разжиться пончиками и мукой.

- Толкучка была тут недолго. Затем немцы увидели, что это приносит доход и евреи могут чем-то питаться, и ее ликвидировали, - говорит Майя.

В доме, где жила семья Левиных, дедушка построил "малину" - убежище. Во время одного из погромов в "малине" задохнулась младшая сестра Майи.

- Все влезли в "малину". Мы там сидели на коленях, потому что было тесно и невозможно стоять. Мы слышали, как немцы ходили по полу дома и стучали сапогами, мама сильно прижала к груди девятимесячную сестру, которая заплакала. Когда мы вышли, сестра была мертва, - вспоминает героиня.

Напротив поликлиники № 1, если немного спуститься по улице, находится музыкальная школа.

Во время существования гетто здесь располагалась инфекционная больница, "заразная", как ее называли узники. Здесь в том числе лежали люди, больные тифом. При этом в здании больницы находилось подполье.

После первого погрома в Минском гетто, 7 ноября 1941 года, сюда привезли евреев из Германии, Чехии, Австрии... Их разместили в двухэтажном здании по улице Сухой, где сегодня находится одно из отделений Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка.

- Гамбургских евреев (евреев из Западной Европы называли гамбургскими, потому что первый эшелон был из Гамбурга. - TUT.BY) оградил от нас колючей проволокой. Это было гетто в гетто. Они все говорили на немецком, идиш не знали, поэтому мы не могли с ними общаться. Только подходили и смотрели: мы на них, они на нас. Им сложно было очень, наврное. Мы знали язык, могли попрошайничать, а они нет, - рассказывает Майя.

Депортированные немецкие евреи в Минске. 1941 год

Иллюстрация из книги Майи Левиной-Крапиной "Трижды рожденная"

По словам собеседницы, гамбургские евреи ехали в Беларусь с надеждой, что здесь им дадут землю. Но после первого погрома, когда их заставили выносить трупы, ожидания приобрели другую окраску.

- Только тогда они поняли, что их ждет такая же участь, как и нас, - рассказывает она.

Мать провисела на виселице три дня. Черные длинные волосы развевались на ветру Майя говорит, что первое время в гетто у нее был страх, но потом она настолько привыкла видеть трупы и кровь, что и он притупился.

- Когда в 1942 году появились душегубки, трупы привозили на еврейское кладбище и сбрасывали в четыре громадных рва ... Я с другими детьми из любопытства бегала посмотреть, как это делают. У нас уже страха не было никакого. В гетто можно было погибнуть в любой день, в любую минуту. Умереть от холода, голода... Кроме крупных погромов в гетто приходили полиция, эсэсовцы и расстреливали людей прямо около дома, - говорит она.

На улице Сухой, 21 А находится одноэтажный дом. В нем сегодня арендуют офисы. Во время Минского гетто, по словам Майи, семья Добиных сделала здесь схрон (укрытие. - TUT.BY) на 13 человек.

- Печник Пинкус Добин для своей семьи сделал уже не "малину", а схрон. В него вела труба под фундаментом дома. В схроне был запас воды. Во время одного из погромов там спрятались не 13 человек, а 26. За девять месяцев 13 человек умерли. Их захоронили прямо в укрытии, – рассказывает она.

Майя по сей день общается с Борисом и Семеном Добиными, сыновьями Пинкуса, которые прятались от фашистов в схроне. Сегодня они живут в Чикаго.

Главные ворота в гетто находились приблизительно на сегодняшнем перекрестке около станции метро "Фрунзенская".

Гетто было огорожено колючей проволокой. По словам Майи, немцы хотели вокруг него возвести бетонную стену.

- Слава богу, что не сделали. Мы (бывшие узники. – TUT.BY) еще ходим и рассказываем... Если бы была стена, никто бы из гетто не вышел, - говорит она.

Мы подходим к кинотеатру "Беларусь". В сквере возле него во время гетто стояли десять виселиц. На одной из них повесили мать Майи – Симу Левину. Женщина провисела три дня. Майя хорошо помнит длинные черные волосы матери, которые все это время развевались на ветру. На груди у женщины была дощечка - "За связь с партизанами".

Сима Левина, мать Майи.

Иллюстрация из книги Майи Левиной-Крапиной "Трижды рожденная"

- К нам в дом пришел немец и сказал маме собираться. Она хотела взять с собой меня. Но брат сказал, что не хочет возиться с четырехлетней сестрой Сарой. Поэтому мама взяла с собой ее. Маму повесили. Где сестра, мы до сих пор не знаем. Может, в "Яму" сбросили или в Тростенец увезли, - полагает она.

Отец Майи погиб во время первого погрома 7 ноября 1941 года.

На месте Национальной школы красоты была площадь расстрела

Мы поднимаемся к Национальной школе красоты по улице Мельникайте. Здесь, по словам Майи, была площадь расстрела.

- Сюда приводили красивых девушек и тут же расстреливали разрывными пулями. На это было жутко смотреть: голова летела в одну сторону, кишки - в другую. А еврейских музыкантов и певцов заставляли играть и петь во время расстрела, - вспоминает она.

Напротив сегодняшней школы красоты через дорогу в здании был юденрат – еврейский комитет, который выполнял административные функции.

Спускаемся к мемориалу "Яма" на улице Мельникайте. По дороге Майя рассказывает, что на месте многоэтажек были деревянные одноэтажные дома, в которых ютилось по несколько еврейских семей.

С одной из сторон около "Ямы" - аллея праведников в честь людей, которые спасали евреев, бежавших из гетто. Здесь растут 14 каштанов, посаженных в 1993 году, и стоят 14 табличек с именами праведников. По словам Майи Крапиной, всего в Беларуси 718 праведников. Правда, многих из них уже нет в живых.

- Здесь был песчаный карьер, - показывает Майя. - Два детских дома, которые находились на территории гетто, расстреляли именно на этой яме.

По ее словам, детей в детском доме на улице Заславской уничтожили без единой пули:

- Шомполами (деревянный или металлический стержень для выталкивания застрявших в стволе гильз и патронов) убили. Когда вошли в детский дом после погрома, люди были в ужасе – подушки разобраны, перья летают, все в крови. Моя подруга Майя Радашковская была в этом детском доме, и ей удалось спастись, спрятавшись под печкой. Сейчас она живет в Израиле.

В основном в "Яму" сбрасывали мертвых людей.

- *Здесь горка была, сейчас сровняли с домами, - показывает Майя на "Яму" со стороны метро. - Когда 2 марта 1942 года в гетто был погром, трупы с горы стаскивали железными крюками. Я это видела.*

Спускаемся в "Яму". Сбоку от лестницы - скульптура, символизирующая людей, идущих на смерть. В самом карьере - памятник, который установили в 1946 году.

- *Памятник сразу не разрешали ставить, а людей, которые его установили, арестовывали. Собираться людям возле "Ямы" тоже не разрешали. Мы здесь собирались 9 мая и 2 марта (в память об одном из погромов). Но людей разгоняли, включали музыку, чтобы ничего не было слышно. Жители многоэтажек, которые находятся рядом, тоже были против того, чтобы мы собирались. В 90-х годах уже стало свободнее. Хотя первый посол Израиля в Беларуси Эли Валк рассказывал, как он, будучи еще студентом минского университета, приходил с другими ребятами сюда убирать снег, и их тоже разгоняли.*

Побег из гетто: три дня сидели в трубе около вокзала, три дня шли к партизанам
Бежать из гетто Майе удалось 23 октября 1943 года, к тому времени она пробыла здесь два года и четыре месяца.

- *Брат выводил людей из гетто к партизанам. Однажды ушел, оставив меня на соседку и пообещав, что вернется и выведет ее вместе со мной. Дора, так звали соседку, в один из дней пошла на работу и не вернулась. Я осталась одна голодная. Лежала и думала, что умираю. Но потом вернулся брат, его поместили в инфекционную больницу. Меня немного подкормили. Как сейчас помню, 21 октября вышла из дома и увидела большое количество немцев, душегубок около центральных ворот. Мы сразу догадались, что это погром. Я подбежала к больнице и стала звать брата через окно. Он спустился со второго этажа больницы по водосточной трубе. Мы знали, что все "малины" уже*

переполнены и решили бежать через еврейское кладбище. Там никого не было. Перелезли под проволокой, сорвали желтые латы и увидели, что за нами бегут человек 15 детей, - рассказывает узница.

Сбежавшие укрылись на вокзале, затем три дня сидели в трубе около вокзала. Каждый день кто-то из детей бегал проверять, существует ли гетто. Но в гетто не было ни души.

- Брат сказал, что знает дорогу к партизанам, и пообещал других ребят туда отвести при условии, что они по очереди будут меня, обессиленную, нести на плечах. Он нас построил по два человека, и мы шли, рассредоточившись на протяжении метров 600 по Могилевскому шоссе. Мимо нас передвигались немецкие машины, колонны, но никто не обращал на нас внимания. Когда темнело, мы уходили в лес. Ели траву. Три дня шли из Минска в деревню Поречье Пуховичского района, где были партизаны, - восстанавливает события прошлого Майя. - С нами в деревне было порядка 40 еврейских детей. Партизаны не знали, что делать, и решили поселить детей в одном доме. Там постелили солому, на которой мы спали в одежде. Кормили нас всех из одного корыта. В него наливали воды, добавляли муки и делали что-то, напоминающее затирку. Когда партизаны поняли, что общий дом для детей не выход из положения, нас раздали "по хатам". Меня взяла Настя, - говорит Майя.

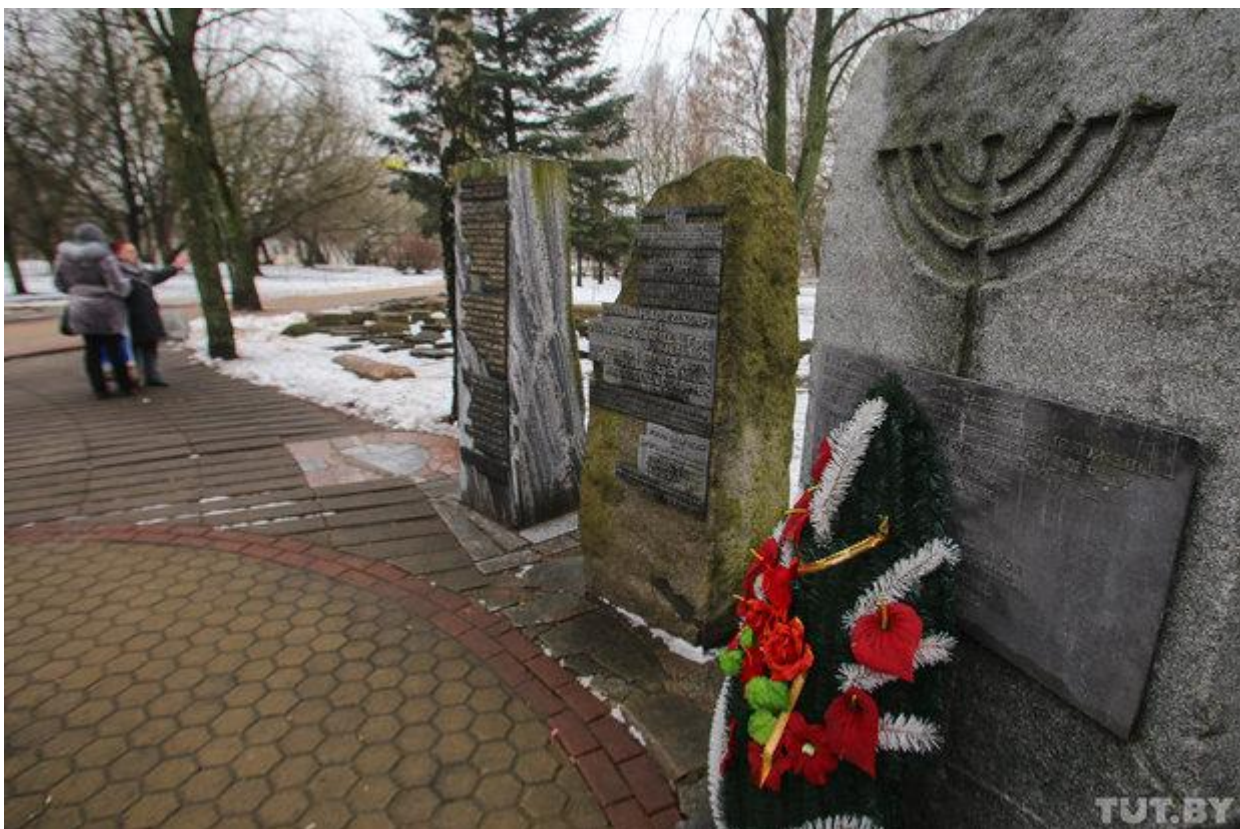
Анастасия Хурс, спасительница Майи Крапиной
Иллюстрация из книги Левиной-Крапиной "Трижды
рожденная"

- Представьте, 40 еврейских детей в деревне! Сюда постоянно наведывались немцы, и никто не выдал. Когда немцы устраивали очередной "марафон", крестьяне брали еду, детей и прятались на болоте. Иногда по два-три дня там могли сидеть, - продолжает Майя.

Бывшее еврейское кладбище – последний пункт нашей прогулки. Майя Крапина говорит, что сегодня она спокойно вспоминает прошлое, но обычно плачет.

- До войны и после нее здесь было огромное еврейское кладбище. Сегодня здесь парк, собак выгуливают. Вот памятные камни. Их поставили австрийцы, немцы... А здесь надгробные камни, которые удалось собрать. Даже на идиш написано, - фиксирует словами то, что видит собеседница.

- А вот там, где памятник в виде стола и стула, - были четыре огромных - шириной восемь метров и четыре метра глубиной - рва. Сюда привозили трупы и складировали, - вспоминает она.

На прощание Майя рассказывает, что, на ее взгляд, во время войны над евреями издевались фашисты, а не немцы.

- Когда я бываю в Германии, у нас все просят прощения за зверства дедушек и бабушек, - говорит она. И кажется, что в эту секунду в Майе Крапиной говорят два человека. Взрослая женщина, способная переосмыслить прошлое. И шестилетняя девочка, видевшая кровь, голод, холод и смерть родных.